

В.В. Вольчик

д.э.н., проф., Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

НЕДОСТОВЕРНЫЕ НАРРАТИВЫ В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ¹

Аннотация. В статье развиваются подходы нарративной экономики к анализу эволюции институтов в контексте распространения недостоверной информации о различного рода экономических процессах. Нарративы рассматриваются как способ передачи информации и знания в форме, которая максимально комплементарна восприятию акторов. Важнейшим каналом распространения недостоверных нарративов в современном обществе стали фейковые новости. Лавинообразное распространение фейковых новостей и содержащихся в них нарративов происходит на фоне значительной трансформации институтов репутации и экспертизы. Широкое и быстрое распространение недостоверных нарративов создает системные угрозы для развития современных экономических порядков в условиях институтов надзорного капитализма. Искажение информации в альтернативных нарративах связано с действиями групп интересов, имеющих стимулы фальсифицировать прошлую и настоящую информацию о проводимых реформах, что приводит к возникновению плюрализма реальности. Через протонарративы в упрощённой форме также передаётся знание о циркулирующих в академической среде теориях и моделях. Заодно через протонарративы распространяются устойчивые мифы о различных аспектах проведения и результатах экономической политики. Недостоверные или искажённые протонарративы широко распространены в социальной среде российской инновационной системы. Примерами таких нарративов могут служить нелиберальные мифы об измерении эффективности через показатели числа патентов или рейтинговых научных публикаций. В процессе реформирования российской инновационной системы важно понимать генезис различных протонарративов и их влияние на формирование институциональной структуры в контексте специфических особенностей ее эволюции.

Ключевые слова: *нарративная экономика, недостоверные нарративы, фейковые новости, институциональные изменения, экономические реформы, российская инновационная система.*

JEL: B52, O30, Z13

УДК: 338.23

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_53_67

© В.В. Вольчик, 2023

© ФГБУН Института экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Вольчик В.В. Недостоверные нарративы в контексте институциональных изменений // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 4. С. 53–67. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_53_67.*

FOR CITATION: *Volchik V.V. Unreliable Narratives in the Context of Institutional Change // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 4. Pp. 53–67. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_53_67.*

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 21-18-00562, <https://rscf.ru/project/21-18-00562/> «Развитие российской инновационной системы в контексте нарративной экономики» в Южном федеральном университете.

Постановка проблемы

Нарративы имеют значение для объяснения экономических процессов [Shiller, 2019]. Через нарративы акторы транслируют своё понимание действия различных хозяйственных институтов и механизмов, что может быть важным для последующей реконструкции и анализа особенностей функционирования хозяйственных порядков или отдельных сфер экономики и общества [Вольчик, 2020]. Но при исследовании нарративов возникают значимые вопросы, связанные с тем, что информация и знания, которые распространяются через и вместе с нарративами могут содержать намеренные и ненамеренные искажения. Такие искажения могут принимать форму фейковых новостей, недостоверных экспертных мнений, устаревших протомodelей и т.д.

В данной статье рассматривается распространение недостоверной или искажённой информации в рамках подходов нарративной экономики. В рамках этого нового научного направления все исследуемые нарративы можно условно разделить, во-первых, на истории, содержащие информацию о социальных контекстах, и, во-вторых, на истории, которые несут в себе идеи. Например, это трансляция упрощённых протомodelей, объясняющих различные аспекты развития общества [Вольчик, 2022].

В социальных науках получает всё большее распространение проблематика фейковых новостей. Феномен фейковых новостей тесно связан с глобальными изменениями в способах создания различного рода медиаконтента о происходящих (или вымышленных) событиях. И если в эпоху до распространения интернета создание новостей было тесно связано с профессией журналиста и институтом репутации, то в современный век цифровых технологий и социальных сетей происходит размывание самого понятия новостей [Tandoc, Lim, Ling, 2017. P. 139].

Проблема недостоверных нарративов заключается не только в том, что с их помощью распространяется дезинформация. Так как с помощью социальных сетей потоки генерации и распространения информации стали существенно больше и интенсивней, поэтому значительно возрастают издержки по фильтрации информации по критерию достоверности. В качестве социальной адаптации должны появиться институты, которые могут способствовать снижению таких издержек.

Для социальных процессов проблема достоверности осложняется тем фактом, что различного рода искажённая и неискажённая информация, которая содержится в общественном дискурсе, нарративах, новостях и т.д., влияет на эволюцию социальной реальности, которую мы воспринимаем.

В данной работе основным является вопрос о том, как недостоверная информация и формируемые ей нарративы влияют на повторяющиеся взаимодействия акторов, а также изменение правил, влияющих на их поведение.

Недостоверная информация, нарративы и институты

Создание недостоверной информации и, в частности, нарративов может быть связано с текущими социальными процессами, а также трактовкой событий прошлого. П. Бергер и Т. Лукман так описывают процесс фальсификации событий прошлого для гармонизации воспоминаний индивида: «Поскольку гораздо легче выдумать то, что никогда не происходило, нежели забыть то, что действительно произошло, индивиду может понадобиться фабрикация и вставка в биографию событий — повсюду, где есть нужда в гармонизации воспоминаний с перетолкованием прошлого. Так как отныне господствующей и более достоверной выступает не старая, а новая реальность, то он может быть совершенно “честен”, осуществляя эту процедуру — субъективно он не лжёт о прошлом,

приспосабливая его к единственной истине, которая, разумеется, объемлет и настоящее, и прошлое. Этот момент, кстати, очень важен для адекватного понимания мотивов исторически не раз повторявшихся фальсификаций и подделок религиозных документов» [Бергер, Лукман, 1995. С. 259–260].

Искажения восприятия реальности, которые потом транслируются в недостоверных дискурсах, нарративах и даже новостях, могут возникать из-за того, что индивид, который создаёт и транслирует информацию о том или ином социальном процессе или событии, элементарно частично или полностью не понимает важных аспектов описываемых явлений. Так как производительность вообще и интеллектуальная в частности зависит от разделения труда, мы вынуждены полагаться на мнение специалистов в трактовке тех или иных социальных процессов и событий: «Во всём, что касается понимания, мы все зависим от чего-то, типа разделения труда: мы рассчитываем на то, что у экспертов будет наиболее полное представление о сложных концепциях, которые мы, используя ежедневно, понимаем лишь наполовину. На самом деле это, как мы увидим, один из главных вкладов речи в интеллект нашего вида: способность достоверно передавать информацию, которую мы понимаем (осознаем) лишь приблизительно!» [Деннет, 2021. С. 129].

Восприятие фейковых и реальных новостей зависит от когнитивных особенностей аудитории и прежде всего от аналитического мышления [Зуйкина, Соколова, 2021. С. 313]. Однако эксперименты, проведённые среди студентов и молодежи с высшим образованием, показали, что высшее образование оказывает слабое влияние на способности различать фейковые и реальные новости [Там же. С. 321]. Хотя логично было бы предположить, что высшее образование способствует развитию аналитического мышления. Также в уже цитируемом исследовании были получены результаты, которые подтверждают склонность акторов при идентификации ложных и истинных новостей прибегать к институциональным критериям — источнику информации (29,6%) и ссылке на известную личность или организацию (21,1%) [Там же. С. 318].

Также надо учитывать, что фейковые новости существовали долгое время в истории человечества. Более того, фейковые новости использовались в политических интересах даже в средние века [Wright, 2021. Р. 247]. Однако в современных условиях благодаря простоте создания и распространения новостного контента распространённость и влияние на политические и экономические процессы фейковых новостей значительно возросло.

Ещё в 1971 г. Герберт Саймон заметил, что «информация поглощает внимание её потребителей» [Simon, 1971. Р. 40]. Поэтому само внимание становится редким экономическим ресурсом, за который борются средства массовой информации, маркетологи и политики. И привлечение внимания становится связано с реальными экономическими выгодами. Поэтому «системные изменения в производстве и представлении новостного контента могут быть связаны с термином “экономика внимания”» [Gelfert, 2021. Р. 323].

Недостоверные нарративы могут содержать частично релевантную информацию о тех или иных социальных взаимодействиях. Более того, через адаптивное поведение акторов недостоверные и достоверные нарративы используются для формирования гипотез, являющихся частью феномена, которые Б. Артур назвал «индуктивным мышлением» [Arthur, 1994].

В современном информационном обществе проблема недостоверной информации представляет не просто угрозу для отдельных экономических и политических взаимодействий, она фактически становится системной угрозой для дальнейшего развития современной человеческой цивилизации и существующих в ней различных социальных порядков. Поэтому на вызовы, связанные с распространением недостоверной информации, включая фейковые новости, получают социальный ответ в виде формирования и эволюции институтов, противодействующих разного рода искажениям. Такие институты могут принимать разную форму, например, институты, связанные с социальным и межличностным дове-

рием [Корниевская, 2009], формируя пространство действующих правил как для акторов, создающих информационный контент, так и его потребляющих.

Проблема намеренно искажённой и недостоверной информации также связана с функционированием институтов и механизмов, связанных с деятельностью экспертов. Институт экспертизы, безусловно, связан с институтом репутации, однако более ориентирован на проблемы создания в обществе знания и его демаркации от различного вида мифов, предрассудков и намеренно созданных ложных нарративов.

Деятельность экспертов противостоит «мудрости толпы», когда мнение, получившее распространение, особенно о социальных, политических, экономических процессах, рассматривается как соответствующее реальности или формирующее реальность. Именно эксперты могут транслировать в обществе протонарративы, которые основаны на научных теориях и проверенных опытным или экспериментальным путем гипотезах. И в современном информационном обществе интернет только усиливает эффект «мудрости толпы»: «Толпы могут быть мудры. Но не всё, однако, подчиняется праву толпы. Интернет порождает ложное чувство, что мнение множества людей равносильно “факту”. Как жаловался комик Джон Оливер, вам не нужно собирать мнения относительно какого-то факта: “С таким же успехом вы можете провести голосование: “Какое число больше, 15 или 5?” или “Существуют ли совы?” или “Там лежат шляпы?”» [Nichols, 2017. P. 127].

Также с интернетом и социальными сетями связано явление, которое связано с «эффектом обратного действия» (“backfire effect”), когда люди усиливают свои попытки быть внутренне последовательными вне зависимости от того, насколько ясны свидетельства того, что они не правы [Ibid. P. 131].

Эксперты, которые стараются противопоставить своё мнение ошибочному или ложному знанию в интернете и в социальных сетях, могут способствовать ненамеренному распространению этой ложной информации и знания. И хотя экспертное мнение может быть направлено на демистификацию и опровержение ложных нарративов, оно не всегда достигает своей цели. Это происходит за счёт того, что обычно ложные нарративы довольно просты для понимания, а мнения экспертов и опровержения могут создавать дополнительные сложности для понимания широкой аудитории.

Распространение как достоверных, так и недостоверных нарративов в последние годы значительно ускорилось благодаря интернету и социальным сетям. Открытым остаётся вопрос о том, как используются те и другие нарративы в создании у индивидов индуктивного мышления. Существуют влиятельные исследования, подтверждающие, что недостоверные нарративы распространяются значительно быстрее и шире, чем достоверные [Vosoughi, Roy, Aral, 2018].

Создание и распространение недостоверных нарративов можно рассматривать по аналогии с распространением недостоверной информации в информационно-телекоммуникационной системе. Если принимать во внимание, что наиболее существенными характеристиками качества информации выступают достоверность и доступность, то нарушение доступности информации может значительно влиять на её качество в плане релевантности. В исследованиях обеспечения достоверности информации в информационно-телекоммуникационных системах существует консенсус о том, что основным фактором, снижающим доступность информационных ресурсов, являются информационные атаки злоумышленников, называемые «распределённый отказ в обслуживании (Distributed Denial of Service)», или кратко DDoS атаки [Монахов М., Монахов Ю., Полянский, Семенова, 2015. С. 207]. Поэтому стратегия, направленная на перегрузку информационных каналов, по которым транслируются нарративы различной мусорной информации, может способствовать размыванию смыслов и уходу общественного мнения и внимания экспертов от значимых проблем.

В условиях развития сетевой коммуникации экспертиза может трансформироваться параллельно механизмам создания и распространения информации. В самоорганизую-

щихся сетевых сообществах или организованных на партнёрских принципах информационных ресурсах не обойтись без института экспертизы, рецензирования и редактуры потоков исходящей информации, принимающей разнообразные формы. Но на пути трансформации указанного института в сфере новостей встают несколько препятствий:

- постоянно расширяющиеся потоки информационных каналов, через которые транслируется информация;
- информационный контент зачастую смешивается с развлекательным;
- иллюзия простоты выбора информационного и развлекательного контента, основанная на присоединении к большинству.

Институты возникают и эволюционируют в русле выполнения основной своей функции — структурирования повторяющихся взаимодействий между людьми. В случае распространения недостоверной информации также могут возникать институты, которые периодически на повторяющейся регулярной основе будут способствовать снижению транзакционных издержек в плане организации экспертной деятельности. Но здесь возникают несколько важных проблем. Во-первых, для возникновения и функционирования институтов необходимо наличие гаранта нормы. Гарант нормы может принимать разные формы организованных малых и больших групп, создание которых зависит от возможностей и издержек коллективных действий. Также важным гарантом норм может выступать государство. Однако в случае государства возникают вопросы, связанные с проведением и разработкой информационной политики.

Вопрос о том, должно ли государство вмешиваться в процессы регулирования потоков недостоверной информации, не является риторическим. Данный вопрос в современности тесно связан с обеспечением стабильного социально-политического развития. Также необходимо обратить внимание на механизмы обеспечения финансирования экспертной деятельности, направленной на фильтрацию достоверной и недостоверной информации.

Важно понимать, что недостоверная информация (фейковые новости) постепенно стали своеобразной индустрией современной пропаганды. Также центральным моментом в современной пропаганде является работа по продвижению нарратива о том, что её не существует [Сондерс, 2013. С. 5]. Однако, если раньше пропаганда ассоциировалась преимущественно с деятельностью государства и политических партий, в XXI в. с помощью манипуляций с фейковыми новостями полноценными игроками становятся крупные корпорации [Зубофф, 2022]. Это не значит, что корпорации типа Google не подвержены государственному или партийному влиянию, но создаваемые технологии и алгоритмы время от времени создают условия и возможности для извлечения прибыли из создания и продвижения недостоверного контента. Также надо понимать, что в бурно развивающейся среде информационных технологий не все процедуры и технологии попадают в сферу правового регулирования. Фейковые новости также во многом стали результатом провалов регулирования и недостаточной институционализации сферы новых технологий по созданию и распространению информации.

Конкуренция за потребителей информационного контента не исключает намеренной дискредитации традиционных средств массовой информации для формирования ситуации неопределённости и нестабильности. Поэтому в обществе возникает потребность в создании институтов, снижающих такую неопределённость.

Недостоверные протонарративы

Кроме нарративов, которые связаны с новостями и общественным дискурсом, существует класс нарративов, которые Р. Шиллер сравнил с упрощёнными экономическими протомоделями. Такие протомодели дают объяснение тем или иным экономическим событиям через упрощение теоретических концептов. Вот как определяет нарративы, свя-

занные с протомоделями, Р. Шиллер: «Нарратив — это рассказывание истории, которое придаёт ей смысл и значимость, и зачастую направлено на то, чтобы преподать урок или извлечь мораль. Будучи сравнён с историей (story), нарратив может стать интерпретацией происходящих событий. Если говорить о нарративах в сфере экономики, нарратив может представлять собой протоекономическую модель, доступную для понимания широкой общественности» [Shiller, 2019a. P. 477]. Следуя логике Р. Шиллера, нарративы, которые связаны с экономическими моделями и концептами, можно назвать протонарративами [Вольчик, 2022], и в статье далее используется это понятие.

Важность исследования протонарративов в том, что они оказывают непропорционально большое воздействие через циркуляцию в сообществах, которые могут оказывать значительное влияние на выработку и проведение экономической политики. Сам Р. Шиллер высказался о значимости таких протонарративов следующим образом: «Важные для экономики нарративы могут составлять лишь очень небольшой процент распространённого дискурса. Такие нарративы, даже будучи редко встречающимися, могут оказывать осязаемое влияние на экономику» [Shiller, 2019b. P. 103].

Информация, которая распространяется в форме истории, повествования или нарратива, лучше воспринимается акторами, если она соотносится с их предыдущим опытом. И даже если доступна более достоверная информация, базирующаяся на фактических статистических данных, люди всё же более восприимчивы к нарративам [Kawata, McElwain, Nakabayashi, 2023]. Тем самым наше индуктивное мышление синтетически формируется прежде всего в нарративной форме, через инкорпорирование объяснительных моделей, которые содержатся в протонарративах.

Вопрос о достоверности не всегда поддаётся однозначной оценке в случае, если мы имеем дело с «великим национальным нарративом». Например, Т. Пикетти подчёркивает, что «великие национальные нарративы» об эгалитарной исключительности и моральном превосходстве во Франции и американской исключительности в США приводили, соответственно, к оправданию колониального правления и вопиющего неравенства в современной системе французского образования, а также становились прикрытием для неравенства и плутократических излишеств в американском обществе [Piketty, 2020. P. 153].

Нарративы тесно связаны с мифотворчеством и распространением различного рода мифов от мистических верований до теорий заговора. Протонарративы также могут быть сопряжены с мифами или «баснями» [Рубинштейн, 2008], которые циркулируют в экспертной и научной среде. Роль мифов в эволюции институциональной среды социального порядка нельзя недооценивать: «По мере развития различных культур развиваются технологии и появляются новые социальные институты. Между тем, мифопоэтическая (мифотворческая) тенденция в эволюции человека продолжает служить соединительной тканью в паутине культуры, постоянно развиваясь, но постоянно определяя и переопределяя модели человеческого поведения. Мифы общества оправдывают и поддерживают предписывающие модели поведения; вместе взятые, эти мифы создают основу для системы социальных норм» [Wrenn, 2021. P. 225].

В оригинальном институционализме постоянно подчеркивается, что классическая и неоклассическая наука регулярно прибегает к помощи метафор и мифов, оправдывающих статус-кво капиталистической системы и препятствующих социальным и экономическим реформам. Например, Дж. Гэлбрейт связывал развенчание таких мифов с распространением высшего образования и «несоответствием этих мифов жизненному опыту и материальной реальности индивидуумов» [Ibid. P. 237].

Как уже отмечалось, ложные или частично достоверные протонарративы циркулируют наряду с популярными мифами, распространёнными как в научном сообществе, так и в общественном дискурсе. Одними из важнейших мифов, которые получили широкую аудиторию через протонарративы являются мифы, связанные с неолиберализмом и нео-

либеральной экономической политикой [Ibid]. Например, в системе высшего образования и науки последние тридцать лет именно неолиберальный нарратив лежит в основе её реформирования в плане оптимизации и ориентации на рыночные механизмы, которые, стоит отметить, могут отсутствовать, быть неразвитыми или быть некомплементарны типу производимых благ [Nureev, Volchik, Strielkowski, 2020; Lorenz, 2014].

Фактически неолиберальный нарратив постепенно трансформировался в набор мифов или протонарративов, которые стали навязываться как неподлежащие критике совокупности очевидных истин: «Неолиберальный нарратив состоит из трех основных поддерживающих мифов, которые отличают его от более ранних стадий капитализма: приватизация товаров и услуг, которые в настоящее время предоставляются государством; дерегулирование промышленности; и сокращение государства всеобщего благосостояния. Поддерживающие мифы о приватизации и дерегулировании сами по себе являются всемогущими, вспомогательными мифами, которые развились и адаптировались при неолиберализме, чтобы поддерживать всеобъемлющий, всемогущий миф о неолиберальном рынке как органической силе» [Wrenn, 2021. P. 240].

Продвижение в академических кругах неолиберальными экономистами идеи о том, что все значимые проблемы в экономике можно свести к тем или иным рыночным механизмам, привело к убеждению, что «рынок — решение вековой проблемы “Что есть истина”» [Mirowski, Nik-Khah, 2017. P. 8].

Также в XX в. большое значение имели исследовательские нарративы о рациональном поведении, информации и знании в контексте рынков, рыночного поведения и дизайна экономических механизмов. Поэтому Ф. Майоровски и Е. Ник-Хан задают риторические вопросы, которые ещё раз обращают внимание на то, что вера в исследовательские нарративы значительно влияет на формирование интеллектуальной среды, ответственной за выработку политики: «Но как манипулируемость рынками влияет на веру в то, что рынки придут к Истине для всех — на мечту о хорошо функционирующей экономике знаний? Если рынки действительно разнообразны, и их можно сделать на заказ, то почему кто-то должен априори ожидать, что они достоверно откроют Истину?» [Mirowski, Nik-Khah, 2017. P. 242].

В современном оригинальном институционализме признаётся важность «сторителлинга» в экономических исследованиях. Поэтому исследовательские нарративы наряду с качественными и количественными источниками данных способствуют формированию релевантного понимания постоянно эволюционирующей экономической реальности: «понимание требует не только посещения библиотеки, чтобы учиться у других, изучавших те же или подобные явления, но и исследования реального мира. Исследования должны быть тщательными, и всё доступное должно быть честной игрой; все источники — тексты, непосредственные наблюдения, интервью, количественные и качественные данные — дают возможность учиться. Безусловно, не всё можно изучить, и все исследования требуют поиска явных и скрытых допущений, содержащихся в каждом типе исследовательского материала: критическое мышление необходимо для понимания экономической жизни» [Whalen, 2021. P. 249].

При создании и распространении протонарративов большое значение имеет то, в какой идеологической среде это происходит. Безусловно, экономическая наука подвержена идеологическому влиянию. В некоторых случаях, например, в СССР, идеологическое влияние декларируется в явной форме. Также влияние идеологии может осуществляться в неявной форме в виде различного рода интеллектуальной монополии, которая проявляется через господство тех или иных научных школ. Действительно, распространение исследовательских нарративов не всегда сопряжено с честной конкуренцией между идеями. Фактически в экономической науке также наблюдаются случаи реализации монопольной власти научной школой или группой, которая может оказывать влияние на формирование научной повестки [Вольчик, 2003].

Родоначальник оригинального институционализма Т. Веблен считал, что классическая и неоклассическая теории являются по сути идеологиями, поскольку они возводят принятый в их теоретических рамках идеал поведения в ранг естественных законов [Cangiani, 2021. P. 83]. Протонарративы, таким образом, становятся важным объектом дуалистического идеологического влияния. С одной стороны, сами исследовательские или академические протонарративы формируются на основе базовых предпосылок, которые имеют идеологическую природу. С другой стороны, сами академические протонарративы могут, эволюционируя, служить отправной точкой для формирования идеологически окрашенных мер социально-экономической политики.

Конкуренция идеологий и идеологических установок приводит к созданию альтернативных теорий. Эти теории, получая широкое распространение в академической среде, могут в виде протонарративов «экспортироваться» в широкий общественный дискурс.

Выходя за рамки академического сообщества, протонарративы используются политическими партиями или группами интересов для продвижения или оправдания экономической политики, которая может быть сопряжена с различного рода избирательными стимулами. Примером такого протонарратива может служить нарратив о простой и понятной модели налогообложения, иллюстрируемой кривой Лаффера [Shiller, 2019]. Именно доступность для понимания и логическая простота такого нарратива должна способствовать его продвижению в общественном мнении как очевидно истинного.

Достоверные и недостоверные нарративы (создаваемые намеренно и ненамеренно) с точки зрения экономистов чаще всего связаны с проводимыми реформами. В таком контексте может быть помещен интересный феномен «плюрализма реальности». Согласно меткому замечанию П.А. Ореховского, данные процессы по созданию альтернативных нарративов связаны с поиском ренты: «В эпоху постмодерна и разрушения прежних больших социальных групп (классов) начинает проявлять себя плюрализм реальности. Меньшинства, располагающие различными ресурсами, пытаются навязать другим своё видение прошлого, настоящего и будущего. За альтернативными вариантами реформ часто скрываются различные сюжеты погони за рентой...» [Ореховский, 2019. С. 41].

Влияние идеологии на развитие экономической науки не надо переоценивать. Однако ещё Й. Шумпетер в своем президентском послании 1948 г. Американской экономической ассоциации отмечал, что идеология влияет на выбор задач, гипотез и видение проблем для исследователей [Schumpeter, 1949].

Использование научных методов и теорий не гарантирует, что экономисты и другие учёные-обществоведы могут избежать ошибочных или даже ложных выводов, которые могут послужить в дальнейшем основой для проведения социально-экономической политики. Причиной таких ошибок может быть радикализм или даже экстремизм: «Радикализм как идеология социально-экономических преобразований может иметь научное обоснование разве что в исключительных случаях. Но и тогда он подвержен риску, связанному с возможной ошибочностью этих обоснований» [Полтерович, 2017. С. 58].

Необходимые для построения теорий упрощения могут также приводить к тиражированию явных и неявных ошибок, которые впоследствии становятся ложными протонарративами. Поэтому излишние упрощения должны оставаться предметом обсуждения в академической среде: «Но отчасти потому, что экономисты берут в качестве примера естественные науки, они склонны неправильно использовать свои модели. Они склонны ошибочно принимать модель за модель, уместную и применимую во всех условиях. Экономисты должны преодолеть это искушение» [Rodrik, 2015. Pp. 5–6].

Особый вред такие протонарративы приносят при их некритическом восприятии в процессе импорте институтов и механизмов регулирования при проведении экономических реформ. Возможно, некоторые неудачи радикальных рыночных преобразований

в российской экономике проистекали от некритичного использования таких протонарративов для обоснования и осуществления экономических реформ.

В контексте идеологического влияния на формирование исследовательских протонарративов возникает резонный вопрос: могут ли такие нарративы намеренно нести недостовверную информацию и знание о функционировании экономических процессов? И здесь нет однозначного ответа, потому что многие исследовательские нарративы должны рассматриваться в их связи с историческими контекстами.

Примером борьбы исследовательских нарративов может служить дискуссия о плане и рынке. Данная дискуссия возникла на фоне экспериментов с централизованным планированием, которые осуществлялись в Советском Союзе. Среди ключевых работ о невозможности планирования можно выделить работы Л. Мизеса и Б.Д. Бруцкуса [Мизес, 1994; Бруцкус, 1999]. Влияние теоретического наследия Мизеса, безусловно, оказалось гораздо сильнее в исторической перспективе и стало одним из консолидирующих в рамках австрийской школы. Однако Б.Д. Бруцкус независимо от Л. Мизеса применил подобную логику о невозможности экономической калькуляции, опираясь на опыт военного коммунизма, современником и свидетелем которого он был. Поэтому в экономической литературе существует точка зрения о том, что теорема о невозможности социализма и плановой экономики должна носить название Мизеса-Бруцкуса [Ковалёв, 2023].

В дальнейшем исследовательский нарратив Мизеса был развит Ф. Хайеком. Причём Хайек связывал плановую и рыночную экономику с двумя типами политических порядков — либеральной демократией и тоталитаризмом [Hayek, 1976; Hayek, 1988]. Долгое время правота Ф. Хайека не вызывала сомнения, так как опыт построения эффективной рыночной экономики имелся только у политических порядков с институтами либеральной демократии. Однако в конце XX и начале XXI вв. опыт Китая показал, что возможно построение эффективной социалистической рыночной экономики наряду с политическим порядком демократического централизма.

В отношении особенностей развития китайской экономики в настоящее время ведётся множество дискуссий. Очевидные успехи КНР в построении инновационной экономики связаны с возникновением двух диаметрально противоположных протонарративов. В первом варианте продвигается точка зрения, что динамика развития экономики и технологических инноваций позволит Китаю в ближайшем будущем стать технологическим лидером. Во втором варианте транслируется точка зрения, что существуют системные препятствия для формирования устойчивых механизмов технологического развития китайской экономики и в ближайшем будущем темпы внедрения инноваций могут существенно замедлиться.

Рассмотрим подробнее второй вариант протонарратива о технологическом лидерстве КНР. В своей достаточно оригинальной статье Джеффри Динг попытался показать, что Китай значительно отстаёт от западных стран и, прежде всего, США в перспективном технологическом развитии. И основной причиной такого отставания является «способность распространять новые инновации по всей своей внутренней экосистеме («диффузионный потенциал»)» [Ding, 2023. P. 4]. Свои выводы Джеффри Динг основывает на моделировании и сравнительном анализе инновационного развития США, СССР и Китая. Причём инновационное развитие США и СССР берётся за период 1950-1970 гг. и автор делает вполне обоснованный вывод, что СССР значительно отставал от США именно по показателю диффузионного потенциала. Действительно, в СССР в указанный период существовали проблемы с внедрением инноваций. Но автор некритично переносит аналогии сложности внедрения инноваций в СССР на современное инновационное развитие китайской экономики. И здесь, как представляется, автор упустил очень важный факт, что в СССР проблемы с внедрением инноваций проистекали в своей основе из-за особенностей плановой экономики. Современная китайская экономика даже официально не является плановой (хотя пятилетние планы продолжают составляться и выполняться), а имеет специфическое название «социалистической рыночной экономики».

Интересен сам факт, что в статье Джеффри Динга почти не используется слово рынок и производные от него. Так, в тексте встречаются только два слова «market adaptations» и «market-based mechanisms» в самом конце статьи и в негативном контексте относительно возможностей государственной политики КНР в области инноваций [Ibid. P. 19]. И это может служить ещё одним подтверждением нарратива о недостаточно рыночном характере китайской экономики и национальной инновационной системы — «нарратив о недостаточно рыночности».

«Нарратив о недостаточной рыночности» возник преимущественно в западных академических, аналитических и популярных изданиях как развитие концепта Ф. Хайека об обязательной комплементарности либеральной демократии и эффективных рыночных механизмах. Поэтому западные аналитики, принимая во внимание доминирующую и руководящую роль КПК в политической системе Китая (которую лучше всего называть в соответствии с конституцией КПК «системой демократического централизма»), делают вывод (явно или неявно) о том, что рыночные механизмы в таких условиях подвержены сильному административному искажению, и поэтому не могут показывать достаточную эффективность как в экономическом, так и инновационном планах.

В случае Китая мы наблюдаем удачный пример исключения из правила «обязательной комплементарности». КПК на протяжении последних десятилетий удалось последовательно проводить политику, направленную на развитие рыночных механизмов вообще и в частности в инновационной сфере.

Нарративы о российской инновационной системе

В российских условиях недостоверные нарративы об инновационной системе (РИС) разнообразны: от патентов и интеллектуальной собственности до избытка научных кадров. Часто нарративы являются исторически обусловленными устаревшими представлениями о настоящем российской инновационной сферы. Сложно судить об эволюционном или целенаправленно созданном характере ошибочных или неточных нарративов. Скорее всего, в разных случаях можно проследить и спонтанные и намеренные источники их формирования.

В предыдущих наших исследованиях мы анализировали нарративы из средств массовой информации [Вольчик, Маслюкова, 2021; Вольчик, Фурса, 2022]. В данной статье на основе 27 глубинных интервью с акторами, представляющими академический сегмент РИС, показано, как нарративы опровергают устоявшийся в научном и общественном дискурсах тезис о том, что для достижения эффективности РИС необходимо её кардинальное реформирование.

Российская инновационная система создавалась не на пустом месте. Советское наследие могло и должно было сделать РИС одной из ведущих в мировом масштабе инновационной деятельности. Однако идеология рыночного реформирования инновационной сферы совершенно затмила вопросы, связанные с формированием институциональной среды, учитывающей инерционный характер развития сфер науки, образования и инноваций. Поэтому реализация множества «точечных» или «прорывных» программ инновационного развития часто заканчивается, по меткому выражению нашего респондента, строительством «инновационных сараев»: *«Среда должна быть другая. Среда должна позволять развиваться, начиная со старта, множеству предприятий, и так далее. Сейчас нужно экономику инновационную просто накачивать деньгами, несмотря на то, что что-то будет потеряно заведомо или ещё что-то. Туда нужно просто вкладывать деньги, как минимум. Вот все эти инновационные сараи, которые понастроили по стране, они не нужны на самом деле. Огромное количество всяких технопарков. У нас*

всегда инновации начинаются со строительства. Строительство — хорошо. Но ведь оно этим и заканчивается! Построили кучу инновационных сараев. Там сидят люди, которые занимаются инновациями. И они получают хорошую зарплату за это. Как правило, эти люди — чиновники или из чиновничьей среды, они сами инновациями не занимались. Ни один реальный бизнесмен, например, если у него бизнес идёт, то он не будет заниматься в основное своё время, тратить его на то, чтобы обучать каких-то других людей. Он, конечно, может посвятить какое-то время в благотворительных целях. Там огромное количество синекур образовалось в этих предприятиях, в этих технопарках и всём прочем. Эти синекуры вполне нормально себя чувствуют. Люди, которые на этих должностях... Нет обратной связи и понимания. У нас же бюрократические структуры. Ещё со времён царской России они слабо изменились. В своё время, когда Попов радио изобрёл, он, во-первых, не думал ни о каком бизнесе. А вот Маркони думал о бизнесе. И в результате во время русско-японской войны использовали, отказывались от радиосистем Попова и закупали немецкие, ещё всякие Марконивские, на них как-то работали. Не вкладывали деньги в академическую науку, и в школу Попова не вкладывали» (Нижний Новгород, заведующий лабораторией).

Создание среды для развития РИС требует понимания системности и сложности во взаимодействии её различных сегментов. Расхожий тезис, что в российских условиях недостаточно рыночное финансирование инновационной деятельности не учитывает особенностей инерционных институтов РИС. Два важнейших фактора развития РИС мы находим в нарративах акторов — это стабильное финансирование и создание долгосрочных системных связей: *«Научная школа стоит миллион рублей в год попить чаю, кафедра стоит ну там два гранта РНФ — 10 миллионов рублей в год. Вот такой научно-технологический центр стоит 100 миллионов рублей в год. Один. Вот наш институт — это несколько таких центров, поэтому наш бюджет 500 миллионов. У нас больше центров, чем пять, но мы маневрируем. А вот такая штучка стоит десять девяток — миллиард. А где вы видели миллиард, чтоб его дали в университет или в Академию наук или как-то ещё? Когда я прихожу разговаривать с промышленниками и говорю, мне надо вот столько, тогда у вас будет что-то, они мне говорят: “Ты кто?”. Я говорю: “Я университет”. Они говорят: “Твое место — 10 миллионов рублей. Пиши статьи. Потому что вы никогда ничего не делали, не делаете и не будете делать”, — говорят они про университеты. Если вы посмотрите на ваш университет, там есть вот это разве? Да нету. Если вы будете в другом университете, вы это не увидите, и вот этот переход от 10 миллионов рублей к миллиарду непреодолим. И мы не знаем ни одного примера в отечественной инновационной системе, когда это произошло бы, чтобы университет или академия наук вот это сделал. Есть там сюжет красивый сейчас про МГУшников, про вот эту композиционную долину, про Тулу и так далее. Ну, мы посмотрим, как это произойдёт, но это уникальный случай, потому что там сочетание невероятных административных, организационных, политических ресурсов работает, потому что оттуда перейти сюда — это время, деньги и особенные обстоятельства, потому что мало того, что заведующий убил гуру, так начальник убил заведующего. Но если нет вот этого, если нет ядра, если нет идеи... Как делают завод и раньше делали в 90 годы? Они сразу покупают под ключ какую-нибудь ерунду и говорят: «Смотрите, как классно!». А она не работает, потому что на нашем сырье, с нашими кривыми руками и ногами, с нашим пониманием процесса не от начала сделанного, эта штучка не будет работать. И мне приходилось разруливать там, когда вваливали сумасшедшие деньги. Нет, ничего нельзя сделать. С самого начала надо было звать учёных, иначе не будет работать. Так вот, если мы хотим мирового уровня, конкурентоспособный продукт, то он должен вот здесь на уровне школы и идеи прорасти сквозь статьи и образцы вот в эту самую историю — от копейки до миллиарда. По-другому настоящей инновации научной не будет» (Нижний Новгород, директор НИИ).*

Понимание проблемы создания среды для развития РИС в первую очередь должно основываться на том, что самый главный ресурс для инновационной деятельности — это люди, ею занимающиеся. Поэтому даже российские «национальные чемпионы» нуждаются прежде всего в среде, которая позволяет в конечном итоге создавать сильные стимулы для акторов инвестировать в человеческий капитал и реализовывать долгосрочные стратегии: *«В эту игру (национальные чемпионы) я уже 6–7 лет играю. В чём смысл, чем отличаются просто быстрорастущие от национальных чемпионов, мы национальные чемпионы — это люди, которые придумали то, чего нет ни у кого, понимаете, мы могли место под солнцем занять, понимаете... но ни одной копейки, никакой помощи. Только сейчас через 6 лет, вместо того чтобы какие-то технологии, с которыми можно воевать по всему миру, поддерживать их хоть как-то — но ноль! И вот эти все фирмы (национальные чемпионы), их 80-90, даже меньше 100, они все почти замечательные, уникальные... И что? Ничего... они всё делают на своих ресурсах. Вот мы сделали сначала уплотнение, потом заработали денег, сделали защиту, потом опять заработали денег, сделали другое. Мы всё делаем за свой счёт, нуль копеек мы получили из этого бюджета. Это вот какие проблемы. Бизнес сырьевой не нуждается в этом всё. Новые бизнесы они могут только возникать и носителями являются те, кто их придумывает, их некому передать. И вообще всё так быстро меняется, если что-то придумано ценно, то конкуренция острейшая, нужно развиваться непрерывно. Нельзя разрывать науку фундаментальную, прикладную, технологии, производство, законы, нельзя разрывать — это всё одна команда, и она может формироваться только в университетах. Здесь всё есть. И очень важен альянс инженерных вузов. Инвестируют не в страны, не в отрасли, не в фирмы, а в людей. Стараюсь таких людей находить здесь, поддерживать их и делать, чтобы они могли инициировать. Это и есть университеты третьего поколения, это и есть идеология! Надо инвестировать в человека, поддерживать человека! Давать ему возможность реализовать свои идеи, свои знания» (Москва, заведующий кафедрой).*

Несмотря на непрерывный процесс реформирования, российская инновационная система в мировом масштабе остаётся одной из самых сложных и комплексных, обладающей значительным потенциалом для отечественной экономики. Особенности эволюции институтов, где большое значение имеет историческая траектория развития, дают основания акторам подчёркивать простую идею о том, что развитие РИС должно осуществляться с ведущим государственным участием в постановке глобальных целей и основываться на предсказуемой политике, корректирующей механизмы регулирования: *«В российской инновационной системе никаких революций создавать нельзя, потому что система уже работает, её нужно только корректировать реперно. Если вдруг кто-то придёт и скажет, что это всё неправильно, всё разрушится однозначно. Я вот сколько пессимистически сейчас говорил об этой системе, самое оптимистическое — система уже работает, её нужно только корректировать, добавлять какие-то элементы и смотреть эффективность, динамику эффективности. Если небольшая динамика есть, надо ещё дальше смотреть, то есть сразу не удалять, добавлять какие-то новые и новые идеи. Но если я скажу, что она вся неправильная, но, во-первых, я всего не знаю, во-вторых, я вижу развитие, некое плохое, хорошее, может быть, я не всё вижу. Самое главное — революционно её не менять, что-то добавлять, что-то убирать. А то у нас как, все воры, всех посадили. И второе — ни в коем случае не заставлять. Науку надо не принудить, а поставить задачу. Наука ждёт задачи, конкретной задачи, чтобы эту задачу выполнить. И контроль, но не тотальный, а контроль выполнения этой задачи. А не принудить и посадить. Мы ничего не сделаем иначе» (Ростов-на-Дону, заместитель директора).*

В поиске путей реформирования РИС необходимо избегать ловушек, в которые часто попадают «государственные экономисты» по меткому выражению Р. Коуза: «Желание быть полезным своим ближним — мотив, конечно же, благородный, но невозможно влиять

на политику, если ты не даёшь ответов. Так появились государственные экономисты, т.е. люди, которые дают ответ, даже когда ответа не существует» [Коуз, 2007. С. 66]. Поэтому использование различных показателей при проведении инновационной политики, таких, например, как количество патентов и рейтинговых научных публикаций, может приводить к совершенно непредсказуемым результатам, далёким от комплексного развития российской инновационной системы.

Заключение

Искажение информации всегда присутствовало в общественной жизни. Однако развитие технологий создания и тиражирования различного информационного контента позволили значительно усилить влияние на общество различных видов недостоверной информации.

Само широкое обсуждение фейковых новостей и связанных с ними манипуляций ставит перед исследовательским сообществом вопрос, как и какие механизмы должны сформироваться, чтобы эффективно противодействовать негативному влиянию недостоверной информации.

Дезинформация и намеренные искажения информации, распространяемые в широком общественном дискурсе в современных условиях, стали одним из следствий возникновения и постепенного доминирования в западном обществе «надзорного капитализма» [Зубофф, 2022]. Именно в рамках надзорного капитализма сложилась ситуация, в которой происходит не только дополнительное извлечение прибыли за счёт манипулирования потребителями, но, что более опасно, создаются механизмы продвижения «полезных» социально значимых нарративов и барьеры для нарративов, которые не вписываются в картину мира плутократии.

Основной недостоверный нарратив относительно российской инновационной системы состоит в том, что её перспективное развитие сопряжено с непременными масштабными реформами. Напротив, развитие РИС возможно и без радикального реформирования, при условии увеличения финансирования, сохранения обратных связей, и наверно самое главное — формирования среды, в которой акторы могут осуществлять долгосрочное планирование как научных исследований, так и своих индивидуальных исследовательских и карьерных траекторий.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Бергер П., Лукман Т. (1995). *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания* [Berger P., Luckman T. (1995). *Social Construction of Reality. Treatise on the Sociology of Knowledge*]. — М.: Медиум.
- Бруцкус Б.Д. (1999). *Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта* [Brutskus B.D. (1999). *Socialist Economy. Theoretical Thoughts on the Russian Experience*]. — М.: ООО «Издательство Стрелец».
- Вольчик В.В. (2022). К вопросу о теории и методологии нарративной экономики [Volchik V.V. (2022). To the Issue of the Theory and Methodology of Narrative Economics] // *Вопросы теоретической экономики*. №3. С. 31–46. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_3_31_46.
- Вольчик В.В. (2020). Нарративы и понимание экономических институтов [Volchik V.V. (2020). Narratives and Understanding of Economic Institutions] // *Terra Economicus*. № 2. Т. 18. С. 49–69. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-2-49-69.
- Вольчик В.В. (2003). Провалы экономической теории и зависимость от предшествующего пути развития [Volchik V.V. (2003). Failures of Economic Theory and Dependence on the Previous Path of Development] // *Terra Economicus*. № 3. Т. 1. С. 36–42.
- Вольчик В.В., Маслюкова, Е.В. (2021). Возможности нарративной экономики в исследованиях российской инновационной системы [Volchik V.V., Maslyukova E.V. (2021). Narrative Economics Perspective on

- Modeling National Innovation System] // *Terra Economicus*. №4. Т. 19. С. 36–50. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-4-36-50/
- Вольчик В.В., Фурса Е.В. (2022). Нарративный анализ спроса на инновации в российской экономике [Volchik V., Fursa E. (2022). The Demand for Innovation in the Russian Economy: An Analysis of Narratives] // *Мир России. Социология. Этнология*. №4. Т. 31. С. 122–150. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-4-122-150.
- Деннет Д.К. (2021). Разум от начала до конца [Dennett D.K. (2021). From Bacteria to Bach and Back]. — М.: Эксмо.
- Зубофф Ш. (2022). Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти [Zuboff S. (2022). The Age of Surveillance Capitalism]. — М.: Изд-во Института Гайдара.
- Зуйкина К.Л., Соколова Д.В. (2021). Особенности идентификации фейковых новостей молодежной аудитории [Zuikina K.L., Sokolova D.V. (2021). Features of Identification of Fake News by the Youth Audience] // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. №71. С. 310–326. DOI: 10.17223/19986645/71/19.
- Ковалёв А.В. (2023). Теоретический анализ социализма: Мизес vs. Бруцкус (К 100-летию выхода книги) [Kavaliou A. V. (2023). Theoretical Analysis of Socialism: Mises vs. Brutskus (To the Centenary of the Publications of Books)] // *Journal of Institutional Studies*. №1. Т. 1. С. 34–42. DOI: 10.17835/2076-6297.2023.15.1.034-042.
- Корнивская В.О. (2009). Качество информации как фактор доверия [Kornivskaya V.O. (2009). The Quality of Information As a Factor of Trust] // *Экономическая теория*. №4. Т. 6. С. 16–24.
- Коуз Р. (2007). Экономика организации отрасли: программа исследований [Coase R. (2007). Industrial Organization: a Proposal for Research] // *Фирма, рынок, право*. — М.: Новое издательство.
- Мизес Л. (1994). Социализм: Экономический и социологический анализ [Mises L. (1994). Socialism: Economic and Sociological Analysis]. — М.: Catallaxy.
- Монахов М.Ю., Монахов Ю.М., Полянский Д.А., Семенова И.И. (2015). Модели обеспечения достоверности и доступности информации в информационно-телекоммуникационных системах [Monakhov M.Yu., Monakhov Yu.M., Polyansky D.A., Semenova I.I. (2015). Models for Ensuring the Reliability and Availability of Information in Information and Telecommunication Systems]. — Владимир : Изд-во ВлГУ.
- Ореховский П.А. (2019). Структуры когнитивности и российские реформы. Препринт. [Orehovsky P.A. (2019). Cognitive Structures and Russian Reforms. Preprint]. — М.: Институт экономики РАН.
- Полтерович В.М. (2017). Разработка стратегий социально-экономического развития: наука против идеологии [Polterovich V. M. (2017). Designing the strategies for socio-economic development: science vs. ideology] // *Вопросы теоретической экономики*. №1. С. 55–65.
- Рубинштейн А. (2008). Дилеммы экономиста-теоретика [Rubinstein A. (2008). Dilemmas of an Economic Theorist] // *Вопросы экономики*. №11. С. 62–80. DOI: 10.32609/0042-8736-2008-11-62-80.
- Сондерс Ф.С. (2013). ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны [Saunders F.S. (2013). The CIA and the Art World: The Cultural Front of the Cold War]. - М.: Кучково поле.
- Arthur W. (1994). Inductive Reasoning and Bounded Rationality // *American Economic Review*. No. 2. Vol. 84. Pp. 406–411. //DOI: 10.2307/2117868
- Cangiani M. (2021). Market Society and the Institutional Theory of Karl Polanyi / *Institutional Economics*. — London: Routledge. Pp. 78–100.
- Ding J. (2023). The Diffusion Deficit in Scientific and Technological Power: Re-Assessing China's Rise // *Review of International Political Economy*. Pp. 1–26. DOI: 10.1080/09692290.2023.2173633.
- Gelfert A. (2021). Fake News, False Beliefs, and the Fallible Art of Knowledge Maintenance. // *The Epistemology of Fake News*. — Oxford: Oxford University Press. Pp. 310–333.
- Hayek F.A. (1976). *The Road to Serfdom*. — London: Routledge.
- Hayek F.A. (1988). *The Fatal Conceit: The Errors of Socialism*. — London: Routledge.
- Kawata K., McElwain K.M., Nakabayashi M. (2023). Narrative Premiums in Policy Persuasion // *Political Psychology*. No. 00. Pp. 1–23. DOI: 10.1111/POPS.12928/
- Lorenz C. (2014). Fixing the Facts The Rise of New Public Management , the Metrification of “Quality” and the Fall of the Academic Professions // *Moving the Social*. No. 52. Pp. 5–26. DOI: 10.13154/mts.52.2014.5-26.
- Mirowski P., Nik-Khah E. (2017). *The Knowledge We Have Lost in Information*. — Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780190270056.001.0001.
- Nichols T.M. (2017). *The Death of Expertise: the Campaign against Established Knowledge and Why It Matters*. — Oxford: Oxford University Press.
- Nureev R., Volchik V., Strielkowski W. (2020). Neoliberal Reforms in Higher Education and the Import of Institutions // *Social Sciences*. No. 9. Vol. 79. Pp. 1–18. DOI: 10.3390/socsci9050079.
- Piketty T. (2020). *Capital and Ideology*. — Harvard: Harvard University Press.
- Rodrik D. (2015). *Economics Rules: Why Economics Works, When It Fails, and How to Tell the Difference*. — Oxford: Oxford University Press.
- Schumpeter J.A. (1949). Science and Ideology // *American Economic Review*. No. 2. Vol. 39. Pp. 345–359.
- Shiller R.J. (2019a). Narratives about Technology-Induced Job Degradation then and Now // *Journal of Policy Modeling*. No. 3. Vol. 41. Pp. 477–488. DOI: 10.1016/j.jpmod.2019.03.015.

- Shiller R.J. (2019b). *Narrative Economics*. — Princeton: Princeton University Press. DOI: 10.2307/j.ctvdf0jm5.
- Simon H.A. (1971). Designing Organizations for an Information-Rich World // *Computers, communications, and the public interest*. Pp. 37–52. — Baltimore: Johns Hopkins Press,
- Tandoc E.C., Lim Z.W., Ling R. (2017). Defining «Fake News» // *Digital Journalism*. No. 2. Vol. 6. Pp. 137–153. DOI: 10.1080/21670811.2017.1360143.
- Vosoughi S., Roy D., Aral S. (2018). The Spread of True and False News Online // *Science*. No. 359. Vol. 6380. Pp. 1146–1151. DOI: 10.1126/science.aap9559.
- Whalen C.J. (2021). Storytelling and Institutional Change: The Power and Pitfalls of Economic Narratives // *Institutional Economics: Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World*. Pp. 247–270. — London: Routledge.
- Wrenn M.V. (2021). Myth Busting: Institutional Economics and Mythopoeitics. // *Institutional Economics: Perspectives and Methods in Pursuit of a Better World*. Pp. 225–246. — London: Routledge.
- Wright S. (2021). The Virtue of Epistemic Trustworthiness and Re-Posting on Social Media // *The Epistemology of Fake News*. — Oxford: Oxford University Press. Pp. 245–264. DOI: 10.1093/oso/9780198863977.003.0012.

Вольчик Вячеслав Витальевич

volchik@sfedu.ru

Vyacheslav Volchik

Dr. Sc. (Econ.), Head of Economic Theory Dept. Southern Federal University (Rostov-on-Don)

volchik@sfedu.ru

UNRELIABLE NARRATIVES IN THE CONTEXT OF INSTITUTIONAL CHANGE²

Abstract. The article develops approaches of the narrative economics to the analysis of evolution of institutions in the context of dissemination of unreliable (false) information about various kinds of economic processes. Narratives are seen as a way of transferring information and knowledge in a form that is maximally complementary to the perception of actors. Fake news became the most important channel of distribution of false narratives in modern society. The avalanche-like spread of fake news and the narratives contained therein is taking place against the background of a significant transformation of the institutions of reputation and expertise. The widespread and rapid spread of unreliable narratives poses systemic threats to the development of modern economic orders in the face of emerging institutions of surveillance capitalism. Misinformation in alternative narratives is associated with the actions of interest groups that have the incentive to falsify past and present information about ongoing reforms, leading to a pluralistic reality. Through proto-narratives, knowledge of theories and models circulating in the academic environment is transmitted in a simplified form. Persistent myths about various aspects of the conduct and results of economic policies are also spread through proto-narratives. Unreliable or distorted proto-narratives are widespread in the social environment of the Russian innovation system. Examples of such narratives include neo-liberal myths about measuring efficiency through the number of patents or scientific rating publications. In the process of reforming the Russian innovation system, it is important to understand the genesis of the various proto-narratives and their influence on the formation of the institutional structure in the context of the specific features of its evolution.

Keywords: *narrative economics, unreliable narratives, fake news, institutional change, economic reforms, Russian innovation system.*

JEL: B52, O30, Z13.

² This work was supported by the grant of Russian Science Foundation No. 21-18-00562, <https://rscf.ru/en/project/21-18-00562/> «Developing the national innovation system in Russia in the context of narrative economics» at the Southern Federal University.